
Рецензии

Рецензия

Научная специальность

5.1.4 «Уголовно-правовые науки»

УДК 343.01:343.9

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2023.1.124>

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В. Н. ШИХАНОВА «МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС»*

© Смирнов А. Е., 2023

Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия

Дана оценка актуальности темы проведенного исследования, правильности избранных методов и валидности полученных результатов, корректности позиции автора и избранной им гипотезы с позиции современной философии. Проведен краткий разбор монографии с точки зрения использованной исследовательской оптики. Сформулирована ценность монографии В. Н. Шиханова для науки и учебного процесса.

Ключевые слова: эпистемология, методология юридических наук, уголовное право, криминология, дискурс-анализ, деконструкция.

REVIEW OF THE MONOGRAPH OF V. N. SHIKHANOV “METHODOLOGICAL PROBLEMS OF CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY: EPISTEMOLOGICAL PERSPECTIVE”*

© Smirnov A. E., 2023

Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation

The relevance of the research topic, the correctness of the chosen methods and the validity of the results obtained, the correctness of the author's position and the hypothesis chosen by him from the position of modern philosophy are analyzed. The review provides a brief analysis of the monograph from the point of view of the research optics used. The value of V. N. Shikhanov's monograph for science and the educational process is formulated.

Keywords: epistemology, methodology of legal sciences, criminal law, criminology, discourse analysis, deconstruction

Представленная на рецензирование работа посвящена теме, имеющей в равной степени высокую практическую и теоретическую значимость. В центре обсуждаемого автором сюжета – взаимоотношения двух наук криминального цикла – криминологии и уголовного права. Обе науки призваны служить общей цели, обогащать и поддерживать друг друга. В отношении ряда фундаментальных вопросов, имеющих выраженное практическое значение, обе дисциплины придерживаются собственных позиций, что зачастую приводит к разладу теоретической декларации и реальной правоприменительной практики. Вопросы, о которых идет речь, касаются специфики понимания криминологией и уголовным правом преступления, преступника, меры общественной опасности, проблемы соразмерности наказания

и его эффективности, и также прогнозирования результатов уголовно-правового воздействия.

Разумеется, теория всегда в той или иной мере расходится с практикой. Причин расхождения юридической теории и практики может быть много; часть из них обусловлена ситуативными, историческими и социокультурными особенностями. Как правило, эти причины в большей или меньшей степени осознаются как теоретиками, так и правоприменителями. В гораздо меньшей степени осознанию поддаются причины, связанные с образованием и функционированием самого знания, на основании которого и реализуется некоторая практика. Именно с этой точки зрения к проблеме взаимоотношения уголовного права и криминологии подходит автор обсуждаемой монографии. В центре внимания, таким образом, оказывается эпистемологическая проблематика. Исходя из эпистемологической перспективы, автор ставит ряд взаимосвязанных задач, имеющих важное теоретическое и практическое значение. Их решение сводится к

* Шиханов В. Н. Методологические проблемы уголовного права и криминологии: эпистемологический ракурс : монография / под ред. Э. Г. Юзихановой. М. : ИНФРА-М, 2023. 110 с.

открытию новой перспективы взаимодействия уголовного права и криминологии.

Итак, авторский замысел заключается в попытке пересмотреть характер взаимоотношения двух областей знания – уголовного права и криминологии.

Выполнить эту работу возможно, только имея в распоряжении методологию, которая обеспечила бы соответствующую исследовательскую оптику. Попробуем же реконструировать авторскую методологию с целью соотнесения ее с основным содержанием работы. Такая реконструкция в простейшем варианте может быть сведена к четырем положениям:

1. Декларируемый автором эпистемологический подход предполагает рассмотрение поставленной им проблемы с точки зрения производства и функционирования знания. Однако при реализации такого подхода речь должна идти не столько о содержании уголовного права или криминологии (которое естественным образом развивается, оценивается с точки зрения критериев научности и т. д.), сколько об *условиях их возможности*. Можно, следовательно, выделить два типа знания, имеющие прямое отношение друг к другу, но различные по содержанию и эпистемологическому уровню. Первый тип знания представляет собой непосредственное содержание науки, в нашем случае – уголовного права и/или криминологии. Второй тип – знание о том, что сделало возможным первый тип знания; это знание об основаниях наук, о том, что сделало их возможными. Знание (первого типа), взятое вместе с условиями его возможности (второй тип), есть то, что М. Фуко предложил именовать *дискурсом*. Именно дискурс, в таком случае, есть методологический инструмент, позволяющий «заглянуть» за производимое научной дисциплиной содержание (например, уголовно-правовой доктрины). Тем самым предполагается, что субстантивация знания производится не только и не столько логическими и лингвистическими средствами, сколько средствами социальными. Последние по определению находятся внутри более широкого социокультурного пространства и не ограничиваются уровнем знания. Следовательно, во-первых, производимое той или иной научной дисциплиной знание можно исследовать не только с точки зрения содержащихся в них значений, но и с социальной точки зрения, проясняя нормы и правила, создающие дискурс; и, во-вторых, в качестве знания всегда предстает то, что «позволено» дискурсивными ограничениями. Отсюда исходит важный тезис М. Фуко о единстве власти и знания (что неоднократно подчеркивается автором при обсуж-

дении определенных способов функционирования уголовного права).

2. Дискурс есть то, что эксплицитным подразумевает собственное основание. Факт существования основания предполагает две возможности. Первая возможность заключается в том, что основание принципиально нейтрально по отношению к знанию, на основе которого оно производится. Вторая возможность – ее придерживается автор – противоположная; основание дает возможность появиться не всякому, но строго определенному (по содержанию) знанию. Основание какой бы то ни было области знания, в том числе уголовного права и криминологии, амбивалентно. Оно является в одно и то же время: а) условием возможности знания и б) его ограничением.

3. Основание или условие возможности знания, которое в одно и то же время производит и ограничивает последнее, *скрыто*. Перефразируя М. Хайдеггера (косвенным образом повлиявшего на дискурсивный анализ), можно сказать, что основание знания «забывает себя» в пользу его содержания.

4. Основание или условие возможности знания (или шире, дискурса) является неразрешимым, или, на языке автора, иррациональным. Благодаря Ж. Деррида понятие неразрешимости приобрело терминологическое значение и получило широкое хождение в социально-гуманитарном знании. Данное понятие призвано опровергнуть факт классической науки и/или философии о том, что одно-единственное основание (например, абсолютная идея у Г. В. Ф. Гегеля) может гарантировать полноту понимания мира. Или: любая конечная парадигматическая система принципиально неполна и потенциально самопротиворечива. В отличие от ситуации с М. Фуко, из текста работы нельзя определить, знаком ли автор с упомянутой концепцией Ж. Деррида, но в русле логики исследования он констатирует последнему. Неразрешимости – это «наивные» предпосылки, являющиеся условиями возможности дискурса, конституирующие дискурсивность как таковую. Их было бы неверно назвать логическими противоречиями или вменить им диалектическую или иную разрешимость. Неразрешимости или (напомним!) иррациональное (как у автора) исследуются в контексте выявления скрытых возможностей, которые маскирует рационалистическая риторика, соображения «гуманизма», теоретические построения.

Наконец, короткий вывод: один из способов проблематизации знания – обнаружение его оснований, их расшатывание с целью вы-

явления того, что скрыто концептуальной экономией. Такова, как нам представляется, теоретико-методологическая канва, по которой выстроена работа.

Посмотрим теперь на ее содержание. Монография состоит из трех глав. Автор начинает первую главу с вопроса о равенстве граждан перед уголовным законом, проблематизируя его с точки зрения классового подхода («Проблема классовости и равенства в уголовном праве: социолого-правовой анализ»). После чего изложение переходит к анализу проблемы взаимодействия уголовного права с криминологией по ключевым вопросам преступного поведения («О связи уголовного права и криминологии: проблема свободы воли в преступном поведении»). Заключительная, третья глава монографии («Проблема иррационального в уголовном праве и криминологии») обсуждает эпистемологические и культурологические причины разлада уголовно-правовой доктрины и реальной правоприменительной практики.

В первой главе автор ярко демонстрирует дискурсивную природу права, раскрывая его ситуативную зависимость от множественных социокультурных факторов, обосновывая тем самым тезис о единстве власти и знания. Так, например, оценка общественной опасности преступлений и правонарушений после 1917 г. формально зависит от представлений господствующего класса. Социальная опасность преступника начинает оцениваться с точки зрения классового детерминизма. Интересно отметить, что после распада СССР классовый подход, как имеющий в своей основе сугубо политические основания, должен был бы исчезнуть вместе с официальной идеологией страны, однако в риторике правоведов он сохранился, но стал пониматься иначе, с негативными коннотациями, как синоним неравенства.

Так или иначе, но именно отчетливое понимание силовой, материальной природы дискурса позволяет автору ставить «наивные» вопросы: «Можно ли в настоящее время говорить о том, что уголовный закон или практика его применения являются классовыми в прежнем понимании – орудием угнетения и эксплуатации широких народных масс со стороны неких элит? Являются ли приводимые примеры разности в наказуемости деяний в рамках одного кодекса нарушением принципа равенства граждан перед законом? Устранимо ли такое неравенство?» (с. 12).

Автор убежден: такое неравенство имеет место. Однако говорить в этом случае о нарушении принципа равенства перед законом сложно,

поскольку само равенство представляет здесь проблему. И в центре этой проблемы оказываются вопросы дифференциации уголовной ответственности и соразмерности между преступлениями и наказаниями, которые за них предусмотрены. Дело отягчается еще и идеологией гуманизма: все люди равны, все могут совершить в равной степени любое преступление, угроза наказанием одинаково действует на всех. Это, как известно, идеализация, но ее невозможно изгнать из правовой доктрины, базирующейся на трансцендентной идее возможности идеальной соразмерности между преступлениями и наказаниями.

Автор справедливо настаивает на том, что необходимо учитывать результаты криминологической науки о существовании социального портрета большинства видов преступлений. В этом случае уголовное наказание будет дифференцированным, будет учитывать значимые ценности соответствующих социальных групп. «Равенство перед законом, таким образом, должно быть не в том, что штраф 100000 рублей грозит и представителям элит, и лицу, находящемуся за чертой бедности, а в гарантированном и существенном поражении наиболее ценных для них прав и интересов» (с. 121).

Вторая и третья главы монографии тесно связаны между собой. Вторая глава выводит читателя на проблему свободы воли в преступном поведении и особенностях взаимодействия уголовного права и криминологии. Третья глава, посвященная феномену иррационального в уголовном праве и криминологии, на основе обширного социокультурного материала показывает дискурсивные причины «глухоты» уголовного права к достижениям криминологии. Авторское объяснение того, что связи между двумя областями знания находятся «в глубокой стагнации», сводится к причине дискурсивного характера: уголовное право на уровне условий собственной возможности имеет некое «твердое ядро» (И. Лакатос), остающееся неизменным при видимых попытках реформирования содержания. На основании анализа научных текстов, материалов конференций, а также законопроектов об установлении или ужесточении ответственности автор делает вывод о том, что твердое ядро уголовного права является собой определенный тип рациональности, содержательно атрибутируемый к архаическому, или, как говорит автор, мифологическому, сознанию. В его основе лежит ряд идеализированных допущений, которые остаются, по сути, нерефлексируемыми и оказывают прямое

влияние на содержание и функционирование уголовно-правового знания. К такого рода идеализированным допущениям, составляющим твердое ядро уголовного права, относятся миф о восстановлении (социальной справедливости, законности, нарушенных правоотношений и т. д.), миф о первичности закона и древности преступления, миф о преодолении преступной (греховной) запятанности (например, посредством наказания) и т. п.

Такое содержание твердого ядра (повторим!) прямо влияет не только на производство знания, но также и на критерии научности, нормы и идеалы уголовного права. Автор обосновывает эту точку зрения, ссылаясь на работы И. Лакатоса и Т. Куна. Мы бы со своей стороны добавили, что представление о твердом ядре находит свое подтверждение, во-первых, в теории дискурса М. Фуко, где последнее находит частичное соответствие с понятием воли к истине, а также с понятием неразрешимости, о котором было сказано выше в рамках реконструкции общей методологической позиции автора.

Таким образом, эпистемологический подход, движимый логикой дискурсивно-генеалогического анализа, позволил автору добиться значительных результатов, главными среди которых нам видятся следующие:

1. Экспликация условий возможности появления/сокрытия проблем в понимании преступного поведения и мер реакций на него; и как следствие – возможность проследить логику изменений, происходящих в уголовной политике, а также в уголовном праве и криминологии как областях знания.

2. Введение в предмет исследования уголовного права и криминологии иррациональных (в нашем языке – «неразрешимые») феноменов.

3. Введение понятия типа рациональности в оборот наук криминального цикла.

4. Выдвижение версии взаимодействия уголовного права и криминологии, учитывающей их принципиальные функциональные и методологические различия.

При дальнейшей разработке концепции автору хотелось пожелать более продуманно отнестись к использованию понятия «классовый подход».

Знакомство с монографией позволяет сделать вывод о том, что общенаучные и философские методы использованы в работе корректно и результативно. Полученные результаты позволяют выделить определенное направление криминологических исследований, нацеленное на анализ возможностей, которые открывает криминологическое сопровождение механизмов уголовно-правового воздействия.

Представленная на рецензирование монография, помимо своего основного назначения, может быть полезна в учебном процессе для студентов, магистрантов и аспирантов юридических специальностей.

Статья поступила в редакцию 06.02.2023; принята к публикации 08.02.2023

Received on 06.02.2023; accepted for publication on 08.02.2023

Смирнов Алексей Евгеньевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (Россия, 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1), ORCID: 0000-0003-2426-6164, e-mail: aesmir@mail.ru

Smirnov Alexey Evgenievich – Doctor of Philosophical Science, Associate Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation (1, Shevtsov st., Irkutsk, 664035, Russian Federation), ORCID: 0000-0003-2426-6164, e-mail: aesmir@mail.ru